

*П. Е. Гриценко
(Киев)*

Л. Э. Калнынь: доминанты гипертекста научного творчества

Исследования известного слависта Людмилы Эдуардовны Калнынь представляют собой целостный гипертекст, демонстрирующий развитие идей, целей и методов изучения славянских диалектов во второй половине XX — начале XXI вв. В этих работах представлены инновационные приемы и методы изучения диалектов, например, прием моделирования отдельных говоров (реальных коммуникативных диалектных систем) и диалектного языка (конструкта, включающего ряд отдельных говоров); это перспективное направление доказало свою эффективность, его приняли другие диалектологи. Кроме того, Л. Э. Калнынь сформулировала ряд проблем, решение которых направлено на изучение структуры и функционирования диалектов, их статуса в стратиграфии национального языка, ареальных характеристик элементов и явлений, встречающихся в диалектах.

Моделированием охвачены фонологические системы отдельных говоров; слог, его структура и слогаделение; слово как пространство и фактор фонетических изменений. Прием моделирования предполагает последовательное использование наборов дифференциальных признаков изучаемых объектов с учетом регулярности проявления признаков в диалектной речи, условий их нейтрализации. Были собраны обширные эмпирические сведения по русским, украинским, польским и болгарским диалектам, на основании которых созданы их системные описания. Особое внимание уделено статусу современных диалектов на фоне других стратов национального языка, роли народных говоров в формировании и развитии литературного языка, современной языковой ситуации в целом.

В своем исследовании Л. Э. Калнынь продемонстрировала:

- преимущество исчерпывающего системного описания диалекта перед описанием разрозненных структурных элементов, явлений говоров на фоне литературного языка, важность непротиворечивого объяснения предпосылок и хронотопа возникновения структурных и функциональных особенностей современных славянских диалектов;
- важность комплексного подхода, сочетающего синхронное системное описание с диахронным изучением истории каждого структурного элемента и явления, установлением их распространения в национальном и

общеславянском континууме, что обеспечивает достижение полноты познания диалекта;

– эвристическую ценность представляет выявление и детальный анализ не только широко распространенных в диалектном континууме структурных элементов и явлений, но и локально ограниченных, архаичных или, напротив, возникших в результате недавних инноваций;

– необходимость для комплексных исследований последовательного учета социальных, исторических и культурных обстоятельств функционирования диалекта.

Многолетнее активное участие в работе над «Общеславянским лингвистическим атласом» (включая развитие его теоретических основ, составление многочисленных карт и комментариев, выявление и анализ славянских ареалов важных фонетических явлений существенно углубили представления Л. Э. Калнынь о славянском диалектном континууме, его современном состоянии и прошлом.

Ключевые слова: Л. Э. Калнынь, славянская диалектология, фонетика, фонология, история науки, моделирование языка, Общеславянский лингвистический атлас.

Имя известного лингвиста *Людмилы Эдуардовны Калнынь*¹ неразрывно связано с научными поисками в области диалектологии — необычайно сложного и постоянно обновляющегося раздела языкознания, с разработкой и практическим использованием новаторских приемов описания диалектов, оценкой народных говоров как генетической основы национального языка и важнейшей формы его существования, познанием *структуры* и *пространства* как определяющих параметров воплощения диалектов в их бытовании на оси *времени*, типологией славянских языков, теорией и практикой славянской лингвогеографии. Уже в начале своего научного творчества Л. Э. Калнынь не ограничивалась проблематикой одного диалектного языка — русского, уделяя значитель-

¹ Л. Э. Калнынь (27 июля 1926, Москва — 11 февраля 2021, Москва) окончила филологический факультет Московского педагогического института им. В. И. Ленина (1948), аспирантуру Института русского языка АН СССР (1948–1952). С 1 ноября 1952 по 30 октября 2014 — научный сотрудник Института славяноведения АН СССР / РАН. 23 декабря 1952 защитила кандидатскую диссертацию по русскому языку «*Коломенские говоры в их истории и современном состоянии*», а 3 декабря 1976 — докторскую диссертацию по славянскому языкознанию «*Опыт моделирования системы украинского диалектного языка. Фонологическая система*»; автор 11 монографий, около 200 статей, тезисов, докладов, более 50 карт в «Общеславянском лингвистическом атласе», редактор двух выпусков данного атласа и более 20 книг серии «Исследования по славянской диалектологии» (см.: [Список]).

ное внимание диалектам и истории других славянских языков. Постоянное расширение славянской языковой панорамы вскрывало множество структурных различий между славянскими языками, формировало осознание необходимости решения стоящих перед лингвистами проблем — познания современного состояния идиомов, их развития во времени и пространстве. Сложность познания славянских диалектов обусловлена не только структурным многообразием гомогенных явлений, переплетением в истории их развития общих и не повторяющихся эксклюзивных направлений эволюции, но и изменением задач изучения диалектного пространства, несовпадением методологии и/или методики описания говоров в разных славянских научных школах, что создавало определенные препятствия в достижении сопоставимости диалектного материала различных славянских языков и его научной интерпретации.

Многообразие формальных проявлений объектов описания придавало особую актуальность созданию таких моделей исследования и форм презентации материала, с помощью которых можно было бы достичь сопоставимости языковых данных различных диалектов/языков. Принятое в диалектологии исходное положение об индивидуальном, неповторимом характере каждой частной диалектной системы (ЧДС), который обусловлен внутренним устройством (набором и архитектурикой) структурных элементов, определяющими направлениями внутрисистемных изменений и особенностями влияния на диалект внешних факторов, не противоречит возможности, а скорее предполагает последовательное сегментное выделение для некоего множества ЧДС инвариантных черт, составление наддиалектной модели-матрицы, применение которой способно обеспечить непротиворечивое системное (не избирательное) сопоставление диалектов в широком континууме. Создание обобщающей модели устройства диалекта, инвариантной по отношению к отдельным ЧДС, оказалось занятием весьма сложным и трудоемким, но, как показала ее применение, — довольно результативным как в описании структур отдельных диалектов или явлений, так и в сопоставительном изучении некоего множества ЧДС. Моделирование оказалось эффективным инструментом познания диалектов, открыло новые перспективы выявления и презентации структуры каждого изучаемого идиома в его современном состоянии, а также в развитии во времени, углубленного понимания закономерностей функционирования народной речи. Системное изучение диалектов с применением приема моделирования способствовало преодолению господствовавшего в диалектологии менее продуктивного

подхода с концентрацией внимания на совокупности черт говора, отличающих его от литературного стандарта. Сопоставительное изучение диалектов и литературного языка сегодня используется для решения специальных задач, прежде всего для выявления закономерностей формирования литературного стандарта на диалектной основе, определения направлений и интенсивности влияния одной страты на другую.

Хотя почти все научные труды Л. Э. Калнынь относятся к области диалектологии, однако их тематика поражает разнообразием и широтой, а выводы и обобщения оказались релевантными для познания общезыковых закономерностей, приложимыми не только к диалектам; такими же многоплановыми предстают в работах приемы упорядочения, систематизации и экспликации языкового материала. В содержательном плане исследования Л. Э. Калнынь — это *целостный многоплановый гипертекст*, в котором воплощены новые для своего времени идеи и аналитические процедуры познания языка, получившие известность и применение в различных лингвистических школах. В этом динамичном гипертексте четко выражены идейные доминанты на фоне характеристик, оценок многочисленных отдельных языковых единиц, явлений и процессов. Эти доминанты не только определяют линию развития отдельно взятого научного опыта Л. Э. Калнынь, но и в значительной степени характеризуют идейные поиски диалектологов во второй половине XX — начале XXI в., сформировавшие наблюдаемый сегодня портрет русской и славянской диалектологии.

Одна из доминант научного творчества Л. Э. Калнынь — это развитие теоретических основ моделирования различных лингвистических объектов как специального приема упорядочения и экспликации информации о диалектах и языке в целом, создание на основе этой методики описаний фонологических систем отдельных ЧДС и диалектного языка в целом, структуры слога, фонематических синтагматических последовательностей в словоформах, рассмотрение программы слова как предпосылки фонетических изменений. Моделирование актуализировало проблему дифференциальных признаков (ДП) изучаемых языковых единиц (фонем, слога, слова / словоформы), релевантных для их описания, обусловило наполнение новым содержанием понятий *системность*, *структура* применительно к изучаемым объектам. Результат последовательного анализа обширного эмпирического материала с помощью сконструированных инвариантных моделей — это возможность представить бесконечное многообразие речевых проявлений изучаемого объекта в осязаемых не-

противоречивых схемах отношений языковых единиц; одновременно это способ обнаружения многих ранее не известных структурных элементов, их важных признаков, включая частотность появления в речи. Все это значительно расширяет круг важных сведений об устройстве и функционировании диалекта.

Для исследования структуры изучаемых объектов, условий и последовательности их изменений во времени Л. Э. Калнынь опиралась на широкую эмпирическую базу (зачастую это были авторские эксклюзивные материалы, собранные по специальным программам), привлекая сведения из других надежных диалектологических источников, письменных памятников, а также выводы специалистов в области социолингвистики, психолингвистики, истории языка. В ее статьях и монографиях привлекают анализ, оценки многих языковых фактов, явлений, процессов, выводы, обобщения, а также краткие замечания-*реплики*, относящиеся ко многим общим проблемам лингвистики. Независимо от сложности решаемых проблем в ее работах, как правило, четко сформулирован круг задач, определены исходные теоретические положения, эксплицированы и прокомментированы используемые познавательные процедуры; к этим особенностям следует добавить запоминающийся лаконичностью и четкостью, сродни математическим формулам, стиль изложения.

Время научного творчества Л. Э. Калнынь, особенно его начало, совпало с периодом активной трансформации языкознания в России и Европе, наполнения диалектологических исследований новыми материалами и новыми идеями в их осмыслении, с периодом плодотворного развития славянской лингвистической географии; это время возвращения к полноценному (классическому) изучению диалектов вне парадигмы псевдосоциологии и «нового учения о языке», качественно нового прочтения и истолкования лингвистической сущности памятников письменности, проблем истории языка, славянского глотто- и этногенеза, что сопровождалось стремительно возрастающим спросом на новые диалектные материалы и выводы из их анализа. Расширение объема и изменение качества эмпирических сведений о народных говорах в славистике было связано с воплощением идей системного (не избирательного) подхода к анализу диалектов, реализацией масштабных лексикографических и лингвогеографических проектов в разных странах Славии. Все это существенно влияло на характер диалектологического мышления, обусловило формирование пространственной парадигмы познания, при-

дание параметру *пространства* статуса релевантного и обязательного в исследовании языковых единиц наряду с традиционными параметрами *структуры* и *времени*. Важными этапами в развитии диалектологии оказались использование звукозаписи и видеофиксации текстов в процессе их порождения (речеобразования) во время коммуникации в диалектной среде, а также компьютерная обработка и хранение многочисленных аутентичных образцов диалектной речи.

Для Л. Э. Калнынь научный интерес представляло прежде всего внутреннее *устройство* диалекта как образования, объединяющего множество элементов, подчиненных определенным закономерностям отношений; распределение альтернативных единиц, их варьирование в пределах отдельного говора и в более широких пространственных образованиях; набор структурных элементов, архитектоника их связей и подчинений нередко указывают на причины, условия и интенсивность изменения диалекта. Такое видение ЧДС, ее анализ возможны в опоре на широкий и надежный исходный зафиксированный материал, наблюдения за реальной жизнью структурных элементов в речи носителей диалекта. На протяжении всего научного творчества Л. Э. Калнынь высоко ценила добытые в экспедициях диалектные материалы, открытые во время полевых наблюдений не известные ранее диалектные факты, характерные особенности языковых элементов, примечательные проявления диалектной речи, языкового поведения носителей диалекта в своем микросоциуме. Поэтому выражение *диалектология — наука зафиксированного факта*, ставшее в среде диалектологов крылатым, для Л. Э. Калнынь было наполнено глубоким неметафорическим смыслом.

Многие перспективные идеи из того новаторского, что рождалось в дискуссиях лингвистов-теоретиков, лингвогеографов, нашли отклик и воплощение в ее исследованиях. В ряде специальных работ представлена позиция по проблемам, затрагивающим понимание структуры языка: *сущность ЧДС*; отношения между *ЧДС* и *диалектный язык / национальный язык*, а также *диалект — литературный идиом* и др. Поддержав позицию Р. И. Аванесова о целесообразности оперирования понятием *система диалектного языка*, Л. Э. Калнынь четко определила объем данного понятия в общей стратификации национального языка, его отношение к иному базовому понятию диалектологии — ЧДС. Это непосредственно было связано с пониманием предмета, объекта и проблематики диалектологических исследований. В частности, она подчеркивала:

Кардинальное различие между системой диалектного языка и частной диалектной системой состоит в их отношении к речевой деятельности. Всякая частная диалектная система конкретизируется в речевой деятельности определенного коллектива, в котором система реализуется в коммуникативных целях, т. е. всегда может быть установлено однозначное соответствие между диалектной системой и текстом. Система диалектного языка такого соответствия не имеет [Калнынь 1973: 7].

К этой важной для диалектологии и языкознания в целом проблеме — противопоставления ЧДС как реально функционирующей (коммуникативной) системы и диалектного языка как конструкта, системы систем — автор возвращалась во многих публикациях; сегодня данное положение принято в славянской диалектологии как непреложное.

Исследовательский опыт Л. Э. Калнынь изначально формировался в лоне русской диалектологической традиции в процессе изучения русских коломенских говоров. Описание современного состояния диалектного пространства было осуществлено с учетом условий, этапов и источников его формирования, динамики во времени ряда важных структурных особенностей². Отдавая должное трудам ученых предыдущей эпохи, прежде всего А. А. Шахматова, Н. Н. Дурново, других видных лингвистов Московской диалектологической комиссии, автор задалась целью решить ряд задач, опираясь на собственные записи материала (конца 40-х — начала 50-х гг. XX в.), которые дополнила сведениями, собранными для Диалектологического атласа русского языка. В исследовании, выполненном в традиционном для региональных лингвистических описаний формате, также были широко использованы внелингвистические сведения: по этнической истории и истории административной отнесенности изучаемого ареала, данные археологии, топонимики. В основной части работы представлен детальный анализ современной фонетики и грамматики диалектов «Коломенской земли» с привлечением данных из сопредельных территорий, что позволило выявить разновременные вторичные структурные напластования северновеликорусских и южновеликорусских диалектов на основной ареал коломенских говоров. На основании частоты проявления языковых

² Проектом руководил известный диалектолог и историк русского языка Р. И. Аванесов, чей вклад в развитие русской и славянской диалектологии, теории лингвистической географии, фонологии и фонетики Л. Э. Калнынь оценивала высоко, подчеркивая актуальность и востребованность в настоящее время лингвистического наследия ученого [Калнынь 2002].

черт в отдельных ЧДС, особенностей географии явлений, маркирующих южно- или северновеликорусское наречия, автор определила ряд структурных противопоставлений говоров, квалифицировав коломенские говоры как неоднородные, «как пример средневеликорусских говоров с южно-великорусской основой и северновеликорусским наслоением»:

коломенские говоры являются средневеликорусскими говорами древнейшего образования, и [...] основа их очевидна. То обстоятельство, что говоры коломенской территории, непосредственно близкой к Москве, центру Русского государства, имеют южновеликорусскую основу, представляет известный интерес и для истории русского языка в целом, так как они дают материал для изучения соотношения южновеликорусского и северновеликорусского говоров в начальную эпоху формирования русского (великорусского) языка [Калнынь 1955: 87].

Детальный синхронный анализ языкового материала, его историческое комментирование оказались важными также для аттестации собранного для ДАРЯ материала, его ареалогической интерпретации — определения диалектного членения русского диалектного континуума на новой эмпирической базе, более обширной по сравнению с базой известной карты русского языка в Европе Московской диалектологической комиссии (1914 г.). Описание коломенских говоров продемонстрировало важность идеологемы, ориентированность на которую реализована во многих трудах Л. Э. Калнынь: в диалектологии чрезвычайно ценны точная пространственная и временная отнесенность (хронотоп) изучаемых явлений, отдельно взятых элементов структуры, последовательное определение их географии (в данном исследовании пространственные параметры языковых единиц автор передала на попунктовых и изоглоссных картах). Особую значимость таким региональным исследованиям³ придавала подготовка первого в истории русистики атласа (ДАРЯ): региональные исследования как самодостаточные в научном отношении были

³ В эти годы распространение получили региональные диалектологические исследования, направленные на выявление структурных особенностей говоров и их историческое объяснение, представлявшие говоры ряда регионов русского диалектного континуума. Это были прежде всего кандидатские диссертации, выполненные преимущественно по материалам экспедиций авторов (см. работы О. Н. Мораховской, С. В. Бромлей, Т. Г. Стругановой, Л. Н. Булатовой, А. И. Сологуб, О. Г. Гецовой, Т. С. Коготковой, Н. Б. Бахилиной, Г. В. Шайтановой и др.); такой тип монографического описания был широко распространен во многих славянских диалектологических школах периода активного формирования баз данных национальных атласов.

также тесно связаны с общенациональным проектом, обогащая его новыми эмпирическими сведениями, оценками многих языковых явлений. Следует подчеркнуть, что ДАРЯ существенно изменил объем и качество эмпирической информации о современном состоянии русского языка, диалектном членении картографируемой части континуума, что создало предпосылки новой интерпретации истории многих единиц и явлений данного идиома. В ориентации на ДАРЯ как научный проект в процессе его длительной во времени реализации, сопровождавшейся многочисленными обсуждениями методологии его создания и анализом предварительно обработанного материала, сформировался круг лингвистов, для которых *пространство* обрело значение важного параметра, включенного наряду со *структурой* и *временем* в осмысление феномена языка: география языковых явлений оказалась информационно содержательной и зачастую исключительно важной в познании языка. К такому пониманию феномена пространства закономерно приходили многие языковеды, ставившие перед собой задачу обобщения лингвистической информации атласов, определения ее эвристической ценности (см. оценку ДАРЯ [Калнынь 1990; Чекмонас 1992], АУМ [Калнынь 2004]⁴).

Иной тип по сравнению с изучением фонетики и морфологии диалектов отдельного ареала представляет исследование комплексной проблемы, выходящей за пределы отдельного ареала. Л. Э. Калнынь поставила перед собой задачу изучить развитие категории твердости-мягкости согласных, осмыслить ее роль в истории фонологии и фонетики русского языка. Предполагалось определить условия и хронологию становления оппозиции *твердость* : *мягкость* согласных, ее дистрибуцию, влияние на структурный облик диалектов / языка. Формирование и эволюция данного противопоставления затронули консонантизм, вокализм в сегменте вокально-консонантного взаимодействия, поэтому вошли в круг релевантных типологических и ареалообразующих явлений в русском и других славянских языках. Внимание к данной категории обусловлено прежде всего сложностью ее проявления в славянских языках, что зависит от ряда характеристик и процессов, сочетание которых варьируется в пространстве не только славянского макроконтинуума, но и в пределах

⁴ Оценивая АУМ, Л. Э. Калнынь отметила, на фоне других его характеристик, важность сохранения в материалах, комментариях к картам множества единичных и редко фиксируемых структурных элементов, которые могут быть соотнесены с разными этапами истории языка, сигнализировать о скрытых (неявных) процессах, обусловивших их появление в диалектах [там же].

отдельных диалектных языков. Среди предпосылок, влиявших на особенности эволюции данной оппозиции, исследователи отмечают: сохранение / утрату более раннего состояния твердости / мягкости в определенных позициях; характер доминирующей в языке / диалекте тенденции к усилению или редукции данной характеристики согласных; релевантность / нерелевантность ударения, динамики фонетической структуры сегмента слова с соответствующими согласными; позиции в слове; в ряде языков на развитие оппозиции твердости-мягкости согласных могли влиять другие (контактные) языки (так, например, для проявления данной оппозиции в болгарских диалектах релевантным оказалось воздействие турецкого и, в меньшей степени, греческого идиомов [Кочев 1968]).

Приступая к исследованию твердости-мягкости согласных в русском языке, Л. Э. Калнынь ставила перед собой более широкую программу: изучить данное явление также и в белорусском и украинском языках с проекцией на проблему восточнославянского глоттогенеза:

проследить путь развития от особенностей, общих всем восточнославянским языкам, к особенностям специфическим, национально своеобразным, так как именно к этому сводится содержание процесса образования соответствующих родственных языков. Одним из проявлений этого процесса является развитие категории твердых–мягких согласных в славянских языках вообще и в восточнославянских в частности [Калнынь 1956: 121].

В общих чертах формирование противопоставления твердости-мягкости в восточнославянском континууме автору представлялось следующим образом:

...коренные различия в системе твердых-мягких согласных, которые имеются между русским языком, с одной стороны, и украинским — с другой, относятся к сравнительно позднему времени. Во всяком случае смягчение полумягких, закончившееся уже в историческую эпоху, было еще общим для всех древних восточнославянских говоров, как для тех, на основе которых впоследствии образовался русский язык, так и для тех, которые легли в основу украинского языка. К еще более позднему времени относятся различия в отношении категории твердости-мягкости между русским и белорусским языками [там же: 128].

Различия в формировании категории твердости-мягкости согласных в славянских языках Л. Э. Калнынь связывала с разнонаправленностью процесса формирования данного явления, с проявлением тенденции к усилению полумягкости согласных как характеристики фонетической,

позиционно зависимой, и превращением ее в мягкость фонематическую, не зависящую от позиции, — в одном случае; с ослаблением полумягкости до ее значительной утраты — в другом случае. В исследовании категории палатальности важным оказался учет различных словоформ, зачастую — отдельных морфем, а также особенностей словарного состава, включая заимствования и лексику с особенной (нетипичной для изучаемого идиома) фонетикой и грамматикой.

В формировании корреляции твердости-мягкости согласных в восточнославянских языках определяющими оказались падение редуцированных и смягчение полумягких согласных, что позволило выделить три основных этапа данного процесса: до падения редуцированных и до смягчения полумягких согласных; до падения редуцированных после смягчения полумягких; после падения редуцированных [там же: 127–128]. Для дописьменной эпохи автор смоделировала ситуацию, опираясь на результаты этих процессов в различных славянских языках, а для эпохи, засвидетельствованной памятниками письменности, синтезировала данные 95 древних восточнославянских письменных источников и современных русских диалектов (записи материала для ДАРЯ и многочисленные описания говоров разных авторов). Анализ памятников письменности поражает широтой охвата материала, а также вниманием ко многим деталям, кажущимся «мелочами» (как, например, особенности графики памятников), которые, однако, способны приоткрыть завесу сложного, вариативного в конкретных реализациях и длительного во времени превращения качества согласных / гласных, их сочетаний в определенных синтагматических условиях. Показательно в этом плане особое внимание автора к использованию в древних памятниках графем ь и ѣ, которые после утраты ими значения определенных гласных могли употребляться писцами по традиции (особенно написание в конце слова и в ряде суффиксов), а также могли передавать твердость-мягкость предыдущих согласных или же употреблялись непоследовательно, смешивались, сигнализируя о внешнем влиянии (болгарском или сербском) на восточнославянскую графическую традицию [там же: 189–191]. Выборки из памятников однотипных форм, отражающих определенные явления, дают убедительное представление о развитии исследуемой фонетической черты, ее дистрибуции в структуре слова, в словоформах различных частей речи, в словоизменении; такие списки словоформ автор зачастую приводит по отдельным памятникам, что открывает перспективу включения в анализ языкового материала дополнительных сведений о памятниках.

Отметим, что звуковое значение графем *ъ* и *ь* в различных восточнославянских памятниках письменности, как и проблема развития («падения») редуцированных, было предметом изучения во многих работах В. В. Колесова, В. Н. Чекмана, О. В. Малковой, Л. Л. Касаткина, В. В. Иванова, Ю. Шевелева, А. А. Зализняка, А. Н. Залесского и др.; судьбе этих вокалов в славянском макроконтинууме посвящен отдельный выпуск Общеславянского лингвистического атласа [ОЛА 2006].

Л. Э. Калнынь определила репертуар позиций, релевантных для становления категории твердости-мягкости, которые последовательно проанализировала с опорой на широкий круг языковых фактов, которыми аргументирована авторская концепция; эти факты сохраняют эмпирическую самодостаточность как предмет дальнейшего изучения, определения их географии в современных диалектах. Для отдельных из рассматриваемых в русском языковом пространстве особенностей проявления твердости-мягкости автор указывает соответствия в других славянских языковых континуумах; такие изоглоссные связи могут иметь неодинаковые предпосылки и условия возникновения, реализовать различные условия, не представляя генетического тождества или иной детерминированности (к примеру, давние переселенческие движения). Показательно в этом плане, что отмеченное в западной части среднерусских, в южнорусских и севернорусских говорах артикуляционное сближение / неразличение [кʲ], [гʲ] и [тʲ], [дʲ] или изменение (субституирование) [кʲ], [гʲ] соответственно в [тʲ], [дʲ], рассмотренные автором в контексте становления корреляции твердости-мягкости в русском континууме [там же: 214–215], имеют формальные соответствия в ряде западноукраинских (покутских, буковинских, гуцульских) говоров, а также в болгарских (переселенческих в Румынии и многих материковых, в частности юго-западных) диалектах. Условия возникновения указанных одинаковых (близких) изменений, регулярность проявления, а также хронология формирования имеют свои особенности в диалектах каждого из языков, что составляет предмет специального изучения.

Анализ формирования категории твердости-мягкости в русском языке позволил смоделировать условия и этапы данного процесса, определить предпосылки, их сложную комбинаторику в разных ареалах континуума как в современной ситуации, так и на оси времени, установить связь с другими звуковыми изменениями, вскрыть во многом решающее влияние на становление фонологической системы языка с его развитой и устойчивой корреляцией согласных по признаку твердости-мягкости;

одновременно отмечены результаты влияния данного фонетического процесса на трансформацию отдельных зон грамматической структуры диалектов / языка.

Развитие твердости-мягкости в белорусском и украинском языках рассмотрено на фоне истории данной категории в русском языке, что дало возможность констатировать наличие общих эволюционных процессов в период до падения редуцированных. Вместе с тем внимание сосредоточено на особенностях, комбинаторике условий, которые в значительной степени определили структурную индивидуальность каждого исследуемого идиома. В частности, развитие твердости-мягкости в белорусском языке представлено в контексте формирования дзеканья ([д'] > [дз']) и цеканья ([т'] > [ц']); долгих зубных согласных, возникших в результате сочетания мягких зубных со следующим [j] (как [н']/[н] + [j] > [н:']); отверждение [р']; выделение [j] после депалатализации мягких губных в позиции перед гласным; изменение [в], [л], [у] в [ў] и некоторые другие [Калнынь 1959]. Проявление твердости-мягкости проанализировано с учетом различных релевантных позиций: конца слова; перед гласными (отдельно перед каждым гласным); перед безударными гласными, гласными первого и второго предударного, заударного слогов; перед согласными с дифференциацией их по месту образования и отношению к твердости-мягкости; анализ дополнен сведениями о географии многих явлений⁵.

Категория твердости-мягкости согласных в украинском языке рассмотрена на фоне широкого круга проблем истории фонетического строя (а также явлений грамматики) [Калнынь 1962]. При этом часто даны оценки многим языковым фактам, процессам, нередко отличающиеся от ранее известных в науке. Это относится к определению времени и причин ряда изменений, моделированию раннего состояния украинского языка. Оценки многих явлений, предложенная Л. Э. Калнынь аргументация сохраняют актуальность, например, это касается наличия мягких губных на более раннем этапе развития языка, на что указывает наличие вторичных [j], [l'], [n'] после губных перед гласными; оценка [e], [i] как обладав-

⁵ Отсутствие ДАБМ в 1950-е годы, когда проблему твердости-мягкости в белорусском языковом пространстве исследовала Л. Э. Калнынь, оказалось существенным препятствием в привлечении новой необходимой информации по белорусским диалектам. Только после публикации ДАБМ (1963) исследование данной проблемы получило новое развитие (см.: [Чэжман 1970]), хотя и до сих пор остается много дискуссионных вопросов, связанных с объяснением оппозиции твердых-мягких согласных, а также статуса долгих мягких согласных (см.: [Падлужны 2015: 159–165]).

ших в прошлом способностью палатализировать предыдущий согласный [там же: 64–65] и др. Ценные наблюдения и выводы касаются проблем позиционных изменений [e] > [o]; рефлексии [e], [o] в новых закрытых слогах, появления дифтонгов и вторичных монофтонгов, включая новый [i]; особенности смягчения согласных перед [i] из */o/ и [i] из */ě/; конвергенции */ы/ и */i/ и различного развития данных фонем в некоторых украинских диалектах; изменения [a] после исконно мягких согласных и [j] в гласный переднего ряда верхнего подъема и др. Каждое явление, связанное с формированием твердости-мягкости, автор последовательно рассматривала с учетом фонематического / фонетического окружения, способного провоцировать изменение качества предыдущего согласного (перед различными гласными различного генезиса; перед согласными твердыми и мягкими); также учтен характер словоформ: внимание уделено заимствованиям, влиянию грамматики (прежде всего аналогии) на проявление качества согласных по признаку твердости-мягкости. Специальное внимание уделено различию структур ударного и безударного вокализма, изменениям безударных, что влияло на различие / неразличие твердых и мягких согласных [Калнынь 1962]. Подчеркнуто, что

оформление твердых и мягких согласных в самостоятельную фонематическую категорию было вызвано процессами в области вокализма, связанными с падением редуцированных. [...] Со своей стороны, корреляция твердых и мягких согласных фонем на протяжении всей истории своего существования оказала организующее воздействие на систему вокализма [там же: 100].

На основании описаний диалектов и материалов создаваемого в те годы украинского диалектологического атласа автор использовала информацию о географии многих явлений, связанных с развитием твердости-мягкости. Это способствовало определению состава фонем, коррелятивных по данному признаку, перечня позиций противопоставления этих фонем и условий нейтрализации оппозиции твердости-мягкости [там же: 101]. Закономерен вывод о высоком статусе признака твердости-мягкости в общей характеристике консонантизма, архитектонике современных восточнославянских диалектных систем, и как следствие — в дифференциации диалектного пространства (примеры выделения ареалов на основании противопоставления по признаку твердости-мягкости в украинском континууме см.: [АУМ I, к. 90; II, к. 87; III. Ч. 3, к. 14]).

К аналогичному выводу о высокой степени зависимости ареальной дифференциации всей Славии от характера развития категории палаталь-

ности, ее реализации в современных диалектах/языках Л. Э. Калнынь пришла в обобщающем исследовании «Развитие корреляции твердых и мягких согласных фонем в славянских языках» (1961). Смоделировав проявление палатальности в праславянском, которое связано с развитием слогового сингармонизма, автор представила современное состояние реализации данного явления по отдельным языкам. При этом неизменными остались применяемые познавательные процедуры: определение репертуара мягких согласных в их оппозиции к твердым коррелятам; квалификация зафиксированных палатальных на оси «фонетичность» vs «фонематичность», описание синтагматических условий утраты палатальности или изменения ее качества (напр.: усиление/ослабление артикуляции t^s , t^s , d^z , d^z , p^l , b^l и др., см.: [Калнынь 1961: 11]); важны сведения об ареальной приуроченности ряда характеристик согласных, звуковых процессов, фонетических реализаций фонем в пределах отдельных славянских идиомов или в контексте межславянских изофон, что прослеживается в описании всех типов консонантов (см., например, замечания о депалатализации / r^z / в славянских идиомах: [там же: 71–74]). Определив направления и условия исторического развития палатальных консонантов от праславянского до современного состояния в различных славянских языках, автор тем самым подготовила основание для обработки и представления материала по консонантизму в Общеславянском лингвистическом атласе.

К изучению проблемы палатальности Л. Э. Калнынь позже возвращалась неоднократно. Эти труды остаются востребованными, о чем свидетельствует обращение к ним исследователей истории фонетики и фонологии разных славянских языков, для которых важны оценки и выводы автора, многие из которых они разделяют (см.: [Иванов 1968: 110, 113, 125, 192, 210, 304, 319, 329; Wexler 1977: 108, 118, 124, 173, 176]).

Особое значение сохраняют четко выстроенные познавательные процедуры, предполагающие, в частности, учет условий реализации фонематических оппозиций, последовательное различение причин фонетических изменений, определение предпосылок и этапов перерастания фонетических явлений в фонологические; важное значение придавалось синтезу и верификации разновременной информации из различных источников. Зафиксированные в монографиях и статьях Л. Э. Калнынь многочисленные структурные элементы — оппозиции, типы изменений, словоформы с нерегулярным развитием структуры в отдельных славянских диалектах, языках — нередко имеют в отдаленных (дистантных)

ареалах такие же или близкие результаты развития, что для славистики также представляет специальный интерес.

Важным этапом творческой биографии Л. Э. Калнынь стало специальное изучение фонологии / фонетики украинских диалектов. Познание диалектов, их черт и явлений по описаниям в специальной литературе уступило место системным наблюдениям автора над структурно весьма сложными говорами карпатского ареала. Известно, что формирование и эволюция этих архаических украинских диалектов происходили под влиянием контактных западно- и южнославянских, венгерских, румынских говоров, что по-разному отразилось на их структуре. Отметим, что сложность и одновременно важность карпатского этнокультурного и языкового «узла» для решения ряда этно- и глоттогенетических проблем славян оказались решающей предпосылкой создания сначала Карпатского диалектологического атласа, а со временем — и более обширного *Общекарпатского диалектологического атласа*, стимулировавших формирование карпатского языкознания и карпатистики как отдельных направлений исследований. Упомянутые лингвогеографические проекты выполнены на материале лексики и семантики с привлечением отдельных сведений по фразеологии, однако без учета фонетики и грамматики. Вместе с тем, информация, изложенная в трудах И. А. Панькевича, Я. Янова, Л. Э. Калнынь, Т. В. Поповой, А. Н. Залесского, АУМ — с одной стороны, и Ст. Стойкова, М. Сл. Младенова, Т. Бояджиева, И. Кочева, БДА, Б. Видоеского, МДА, в описаниях сербских диалектов — с другой стороны, ее сопоставительное («перекрестное») прочтение вскрывает наличие множества украинскокарпатско-южнославянских изофон. Тот факт, что на многих картах ОЛА также отражены различные изоглоссы, связывающие украинскокарпатские диалекты с южнославянскими, подчеркивает закономерный характер их появления. В связи с этим общеславянская ценность изучения фонологии и фонетики украинских карпатских диалектов предстает самоочевидной.

В статьях и специальной монографии об украинских диалектах [Калнынь 1973] автор широко применила прием моделирования фонологических систем. Созданные модели послужили основанием для сравнения с материалами обследованных ранее ЧДС, точного определения репертуара фонем и их оппозиций, условий нейтрализации дифференциальных признаков, выявления фонетических соответствий фонемам (звуковых полей фонем) в говорах, реализованных, допустимых и запрещенных сочетаний репрезентантов фонем в речи. Объектом наблюдений избраны

западноукраинские диалекты карпатской зоны – поднестровский, бойковский, посанский, причем для обследования были определены те населенные пункты, диалекты которых ранее, в 20–30-е годы XX в., были изучены, что «можно было бы использовать как средство коррекции при сборе материала и его последующей обработке» [Калнынь 1973: 20]; вместе с тем это открывало перспективу сопоставления структуры говора по фиксациям разного времени. Характеризуя теоретические установки данного исследования, автор отметила:

Подход к диалекту как к языку обусловил специфику программы, по которой обследовались диалекты. Она составлена таким образом, что собирание ответов на содержащиеся в ней вопросы должно дать полное представление о составе гласных и согласных звуков в диалекте и тех сочетаниях, в которые они вступают. Программа, с которой мы работали, содержит около 4500 словоформ [там же].

Записи большого количества словоформ составили корпуса материала (из 4 диалектов), последовательный анализ которого оказался информационно весьма ценным. Славистика обогатилась методологически важным опытом системного описания фонологии диалекта, в котором представлены репертуар единиц, их отношения на основе дифференциальных признаков, учтены позиционное поведение репрезентантов фонем в различных сегментах словоформы, правила синтагматики. Анализ звуковой реализации каждой фонемы в различном окружении (вокальном, консонантном, в сочетании с паузой), чередований, взаимозаменяемости (по определенным правилам) во всех релевантных позициях вскрыл многомерность характеристик фонем, стал основанием для определения их количества, условий варьирования, а также релятивного соотношения частотности реализации звукотипов, репрезентирующих фонемы в речи информантов. Применение методики «густой» сетки-вопросника для выявления признакового пространства объекта описания обеспечило его тщательный структурный и функциональный анализ. Такой новаторский прием был воспринят и оказал значительное влияние на описание украинских диалектов (исследования А. Н. Залесского, П. Е. Ткачука, А. И. Мартыновой и др.), стимулировал применение идей моделирования в изучении лексики, грамматики диалектов.

Со временем поле использования приема моделирования диалектов было существенно расширено благодаря изучению слога — структуры слога, закономерностей слогообразования и слогоделения и возникаю-

щих при этом различных фонетических изменений [Калнынь 1985], а также анализу слова как пространства с реализованной определенной фонетической синтагматикой, порождающей фонетические изменения [Калнынь 2001].

Л. Э. Калнынь познала ряд закономерностей внутреннего устройства диалектов, и на этой основе предложила приемы обобщения сложно обозримого (практически бесконечного) множества речевых реализаций элементов и представила их в четко осязаемых структурах и моделях, в которых — при высокой степени обобщения — не происходит редукция структурного многообразия и функциональных особенностей. Познавательная целесообразность таких построений доказана анализом материала, опыт которого — при определенных условиях — может быть применен в изучении других языковых объектов.

В трудах Л. Э. Калнынь продемонстрирована результативность синтеза синхронно-типологического, ареального и историко-генетического подходов в изучении диалектных явлений, что позволяет объяснять причины и пути возникновения форм, явлений и процессов, наблюдаемых в современных славянских диалектах. В одних работах генетизм как методологическая установка исследования присутствует имплицитно, в других — эксплицитован, подчеркнут. Принимая многоаспектность и комплексность подходов к объектам описания, автор всегда разделяла различные направления анализа, поскольку каждый из них требовал применения специальных исследовательских процедур.

Для Л. Э. Калнынь важно было смоделировать не только цепочку изменения явления в пространстве, особенно когда на лингвистических картах предстал весь макроконтинуум Славии с обособленными ареалами противопоставленных и одновременно соотносимых форм, но и хронологическую последовательность различных этапов их развития. Не раз наблюдалась ситуация, когда формально одинаковые континуанты общего исходного состояния фонетического явления в различных диалектных зонах оказывались соотносимыми с различными этапами эволюции, к тому же гетероконтекстными — возникшими в неодинаковых структурных условиях. В выявлении несовпадений моделей развития Л. Э. Калнынь усматривала стимул и одну из задач интерпретации лингвистических карт.

Отдельный важный этап в научном творчестве Л. Э. Калнынь — участие в создании *Общеславянского лингвистического атласа*. В эти же годы шаг за шагом воплощался не менее важный проект — *Диалектоло-*

гический атлас русского языка, обсуждение этапов работы над которым было своеобразной школой для всех диалектологов-русистов; к настоящему времени издание этого фундаментального труда завершено, но весьма далек от финала процесс осмысления глубин его лингвистического содержания и значимости для понимания сущности современного состояния русского языка и моделирования разновременных этапов его становления и развития.

Четкие познавательные установки, анализ большого объема эмпирических диалектных сведений по различным славянским языкам, стремление к исчерпывающей актуализации теоретических положений по разрабатываемым проблемам, содержащихся в работах ведущих ученых, формирование и операциональное применение новых приемов анализа — все это составляет содержание научного опыта Л. Э. Калнынь, обеспечивающее его востребованность. Внимание к трудам Л. Э. Калнынь предсказуемо: и относительно тех исследований, в которых проанализированы важные структурные явления отдельных языков, подробно ею изучавшихся (русского, украинского, белорусского, лужицких, болгарского, польского) и находящихся в центре внимания многих других авторов; и в отношении трудов, теоретические положения которых приложимы ко многим языкам. Однако популярны и часто цитируемы и те работы Л. Э. Калнынь, которые, хотя и посвящены чертам, явлениям диалектов отдельных языков, вместе с тем содержат такую авторскую интерпретацию множества *частностей* в их структурах, эволюции, такие оценки и выводы, которые представляют ценность как теоретическая база для анализа и синтеза сведений по другим языкам, а также как материал для установления изоглоссных связей или типологических параллелей между различными диалектами, языками.

Опыт анализа языкового материала различных славянских языков, знание многогранности существования ЧДС, их формальное и функциональное варьирование сформировали в Л. Э. Калнынь строгую парадигму оценок диалектологических исследований. Ценностными доминантами диалектологического труда является, как представлялось автору, точность экспликации целостной структуры ЧДС, ориентированность анализа материала на вскрытие характеристик, закономерностей, имеющих высокую степень обобщения. Ориентация на такие критерии просматривается в рецензиях, тематических обзорах, составляющих отдельное направление научного творчества Л. Э. Калнынь. Важные оценки,

замечания содержат рецензии на славянские лингвистические атласы, в частности на 1-й том лужицкого атласа — SSA (1967), фонетический том русского атласа — ДАРЯ (1990), 3-й том АУМ (2004), на монографии И. Лекова (о развитии фонологической системы славянских языков; 1962), З. Михалка (о лужицком диалекте Нойштадта; 1965), А. Пецо (о сербских диалектах; 1983), Н. Н. Пшеничновой (о статистической методике типологической классификации русских говоров; 2000); заслуживают особого внимания наблюдения и обобщения, содержащиеся в тематических обзорах о развитии славянской диалектологии в свете представленности данной тематики на международных конгрессах славистов, в лингвистических энциклопедиях. В трудах такого жанра Л. Э. Калнынь зачастую не только анализирует содержание научных текстов, но также оценивает состояние науки о народных говорах в целом, высказывает общие суждения о самом объекте — диалектах, языке, нередко предлагая свое видение задач и направлений их изучения. Общетеоретическое значение имеют многие положения, замечания, эксплицированные в таких рецензиях, обзорах, тезисах докладов, выступлениях на многочисленных конференциях. В частности, автор неоднократно подчеркивала необходимость распространения опыта создания полных описаний диалектов с целью определения устройства и функционирования диалекта как языкового феномена (положение о принципиальной тождественности *диалект* — *язык* как объект исследования подкреплено ссылками на аналогичные мысли в классических трудах Л. В. Щербы, А. Мартине — [Калнынь 2015]), представления и углубленного анализа локализмов (эндемизмов) — структурных элементов, распространенных в ограниченном круге ЧДС и зачастую не представленных на лингвистических картах (отсюда — тезис о целесообразности публикации вместе с картами атласа и исходных материалов о диалектных единицах с сохранением особенностей их формы, значения, функций и распространения, что последовательно реализовано в ОИА).

Важными с общелингвистической позиции представляются замечания о необходимости всестороннего изучения распространения структурных элементов говора в других стратах национального языка, о взаимодействии диалектов и литературного стандарта, о «распределении диалектных форм языка в обществе, [...] связи их с разными коммуникативными ситуациями, [...] оценке диалектов самими носителями и обществом в целом» [Калнынь 1991: 234].

Неоднократно подчеркивая особую ценность лингвистических атласов, их широкие возможности для познания современного состояния и

истории языка, автор пришла к важному выводу об эвристической недостаточности данного источника лингвистической информации, его неполноте; такие суждения относятся и к таким фундаментальным много-томным трудам, как атлас русского языка:

надо расстаться с представлением о том, что русские диалекты достаточно изучены, в частности, на том основании, что они массово обследовались для атласа. Такое обследование в принципе не дает новых сведений, а лишь устанавливает территориальное распределение известных диалектных различий [там же].

В приведенном тексте концептуальное значение изучения диалектов передано словосочетанием *новые сведения*: ради получения новой информации Л. Э. Калнынь обследовала многие ЧДС. Так, в русском диалектном континууме она обследовала сперва коломенские говоры, а позже — севернорусские; только по объемной сложной программе ОЛА обследовала 9 (!) населенных пунктов, и эти материалы представлены во всех выпусках атласа; в украинском континууме предметом изучения стали карпатские диалекты; обследовала отдельные болгарские, польские говоры. Опыт экспедиционной работы позволил ей сделать обобщение, что «в рамках полевого исследования имеются благоприятные условия развития, проверки, уточнения ряда общелингвистических проблем» [Калнынь 1976: 259], а также оценить полевую работу как особый метод извлечения лингвистических данных [там же: 269], в ходе которой диалектолог фиксирует языковые факты, а впоследствии — оценивает их и вводит в описание, пополняя эмпирическую базу лингвистики, давая другим исследователям возможность пользоваться этими данными. Десятилетия изучения диалектов сформировали твердое убеждение Л. Э. Калнынь в непреходящей ценности *полевой* диалектологии, непосредственных наблюдений исследователя над порождением — *творением* — аутентичной речи носителями диалектов, над языковой и традиционной культурной средой. Обобщая собственные наблюдения, а также ценные замечания О. Брока, Л. В. Щербы, С. С. Высотского, Л. Л. Касаткина о речепорождении в диалекте, Л. Э. Калнынь отметила повторяющуюся ситуацию: несовпадение звукопредставлений, существующих в языковом сознании эксплоратора и информанта, которые относятся к качественным характеристикам звуковой реализации фонем. Такая ситуация нередко чревата неточностями в описаниях устройства диалекта, пропусками существенных признаков, характеристик [Калнынь 2009].

В трудах Л. Э. Калнынь многие важные положения, замечания не выделены в отдельную проблему или в специальный структурный сегмент, однако их ценность, как и убедительная аргументация выбора проблематики, задач изучения, приемы формирования корпуса исходного диалектного материала, применяемые аналитические процедуры, самоочевидны для развития славянской диалектологии. Фонологические и фонетические описания (особенно по полной, а не выборочной программе) каждой обследованной ЧДС остаются на длительное время надежным источником сведений об этих отдельных диалектных точках континуума. Излишне аргументировать известное, что каждая такая запись диалекта представляет собой эксклюзивный памятник языка, ценность которого со временем только возрастает.

Сложность и специфичность задач синхронной и диахронной фонологии, фонетики, описательной диалектологии и лигвогеографии, которые занимают центральное место в изысканиях Л. Э. Калнынь, не стали преградой для вовлечения коллег в совместные проекты — экспедиции, обработку полевых материалов, подготовку публикаций — монографий, статей, обзоров; ее соавторами были Л. И. Масленникова, Г. П. Клепикова, Т. В. Попова, М. И. Ермакова и др.; отдельные национальные проекты перерастали в международные, как, например, сопоставительное изучение генетически связанных болгарского переселенческого говора Кирютня в Молдове и исходного говора Кортен в Болгарии [Калнынь 2007].

Особый тип сотрудничества сложился в международном проекте *Общеславянский лингвистический атлас*, куда ведущие диалектологи всего славянского мира вносили опыт своих научных школ, решая сложнейшие задачи типологии и генезиса славянских диалектов.

С первых лет реализации проекта ОЛА Л. Э. Калнынь принимала участие в выработке решений по многим вопросам, связанным с конкретизацией исходных задач атласа, поисками путей практического воплощения проекта. Острые дискуссии, нескончаемые эксперименты с составлением карт были обусловлены необходимостью осмыслить впервые собранный в таком объеме со всего славянского диалектного пространства диалектный материал, найти необходимые приемы его адекватной экспликации на картах. Перед участниками проекта впервые открылась во всей полноте сложность дифференциации славянского диалектного макроконтинуума, представленного рядами междиалектных соответствий, зачастую довольно широкими. Каждый зафиксированный в экспедициях факт, иногда отражающий наложение разных внутри- и внешнеязыко-

вых влияний, а посему демонстрирующий глубокие изменения исходной формы, требовал установления направлений и объяснения причин сложных, нередко — не повторяющихся, эксклюзивных преобразований языковых знаков. Докартографическое исследование материала объединяло приемы историко-этимологического, типологического и ареалогического анализа, всякий раз возвращая к наследию лингвоставистической классики и одновременно актуализируя новые изыскания славистов.

Этапным в истории проекта оказался 1988 г., когда были опубликованы два выпуска атласа: фонетический, посвященный рефлексам праславянского *ǣ, и лексико-словообразовательный, в котором отражена дифференциация названий диких животных [ОЛА 1988а; 1988б]. В этих изданиях были канонизированы важнейшие содержательные и формальные параметры атласа, определена структура тома как специфического издательского формата, уточнены правила представления на картах, в комментариях и сводном индексе эмпирического материала. Все это придало новое направление дискуссиям, которые остались неотъемлемой составляющей в подготовке новых выпусков атласа. Ведь каждый сюжет, избранный для представления в новом выпуске атласа, имеет множество специфических характеристик, коррелирующих с различными лингвистическими проблемами.

В выпусках фонетической серии информация атомарных карт, посвященных отдельным словоформам, обобщена и интерпретирована по отдельным характерным признакам, напр.: при рассмотрении рефлексации посл. *o представлена дифференциация славянских диалектов по типам фонетических рефлексов, наличию/отсутствию протезы в инициальной позиции, по зависимости характера рефлекса от консонантного окружения, по отношению к ударению, к типу ударения [ОЛА 2008, карты 53, 53а, 54, 54а, 55, 56]. Индикатором ареального противопоставления нередко служит фонологический статус рефлексов, соотношение количества словоформ с проявлением в них картографируемого признака и др. Множественность признаков объекта исследования Л. Э. Калнынь использовала и продемонстрировала в ряде дескриптивных штудий, но в картографическом формате такая многовекторность обретает иное сложное выражение — ареальное, наполнена новым содержанием. Информативной оказалась не только синтопия или атопия того самого признака в различных словоформах, но и наложение ареалов различных признаков, что актуализирует извечную проблему закономерного (детерминированного) или случайного совпадения пространственных характеристик диалектных единиц, явлений.

Круг проблем, которые изучала Л. Э. Калнынь, значительно расширен и детализирован в трудах участников диалектологических конференций, издаваемых с 1992 г. в серии «Исследования по славянской диалектологии».

* * *

Исследования Л. Э. Калнынь дают основания утверждать, что в них реализованы многие инновационные для своего времени идеи, разработаны и применены новые приемы анализа языковых явлений и процессов, воплощен ряд важных положений, связанных с изучением и экспликацией славянских диалектов. Многие постулаты, приемы познания, выводы и характер аргументации, равно как и терминология этих работ, сегодня воспринимаются как обычные, устоявшиеся, без коннотаций новизны и ощущения остроты дискуссий, сопровождавших их формирование и утверждение в диалектологическом дискурсе.

Этапной в развитии системного изучения структуры диалекта оказалась идея моделирования языковых объектов, реализованная как отдельная познавательная процедура, как прием, применение которого на этапах собирания, систематизации и анализа диалектного материала оказалось весьма результативным. Моделирование Л. Э. Калнынь применила не только к фонологическим системам ЧДС, но и к слогу и его структуре, а также к слову как пространству фонетических изменений. В основу моделирования положен последовательный учет максимального набора дифференциальных признаков объекта познания с надлежащим вниманием к регулярности реализации каждого признака в речи, к условиям (и причинам) их нейтрализации.

Созданные системные описания русских, украинских, болгарских, польских диалектов остаются в славянской диалектологии среди востребованных ценных источников аутентичной лингвистической информации.

Критическое восприятие и синтез разнородных источников эмпирических сведений, применение различных приемов их обработки формировали требования к аналитическим процедурам, актуализируя при этом:

– учет синхронных диалектных данных, а также сопоставление со сведениями, соотносимыми с отдаленной во времени информацией о тех же ЧДС, включая языковые факты, извлеченные из письменных памятников;

– рассмотрение явлений в избранных точках континуума (отдельных населенных пунктах) с проекцией на широкую пространственную пер-

спективу (в континууме одного языка или общеславянском макроконтинууме);

– описание говоров в парадигме «чистого» структурного анализа диалекта (без учета особенностей социума его носителей с присущей ему культурой и внешними условиями бытования) и в тесном переплетении языковых и внеязыковых факторов, влияющих на структуру и функционирование говора.

Основные теоретические постулаты Л. Э. Калнынь представляются такими:

– диалекты изначально были и остаются в настоящее время важнейшей формой существования национального языка, основой формирования литературного стандарта и ценным источником его развития; в нынешних условиях диалекты продолжают оказывать влияние на общую языковую ситуацию социума;

– основываясь на принципиальном тождестве *диалект — язык* как объект изучения, целью изучения диалектов определено достижение полноты (не избирательного) их представления как многомерного лингвистического объекта, непротиворечивое объяснение предпосылок и хронотопа возникновения, условий развития зафиксированных элементов структуры и особенностей их функционирования в отдельном диалекте и континууме диалектного языка в целом;

– описание диалекта достигает большего познавательного эффекта, когда учтены социальные, исторические, культурные особенности бытования социумов носителей диалекта, установлена связь между элементами языковой структуры и внеязыковыми факторами;

– эвристической ценностью обладают как широко распространенные в диалектном континууме факты и явления, так в равной степени и локальные (эндемичные) структурные единицы, имеющие различную временную отнесенность.

Доминанты научного творчества Л. Э. Калнынь отражают важные характеристики процесса развития славянской диалектологии, в котором сочетаются существенное расширение эмпирической основы познания — языковых фактов, явлений — с разработкой и применением новых аналитических процедур, генерализацией многих выводов и их приложимостью к общелингвистическим проблемам.

Литература

- АУМ — Атлас української мови. Київ, 1984–2001. Т. I–III.
- БДА — Български диалектен атлас. София, 1964–1981. Т. I–IV.
- ДАБМ — Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мн., 1963.
- ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. 1. Фонетика. М., 1986.
- Иванов 1968 — *Иванов В. В.* Историческая фонология русского языка. М., 1968.
- Калнынь 1955 — *Калнынь Л. Э.* К истории коломенских говоров // Труды Института языкознания АН СССР. М., 1955. Т. VII.
- Калнынь 1956 — *Калнынь Л. Э.* Развитие категории твердости и мягкости согласных в русском языке // Ученые записки Института славяноведения. М., 1956. Т. XIII.
- Калнынь 1959 — *Калнынь Л. Э.* Категория твердых-мягких согласных фонем в белорусском языке // Ученые записки Института славяноведения. Т. XVII. М., 1959.
- Калнынь 1961 — *Калнынь Л. Э.* Развитие корреляции твердых и мягких согласных фонем в славянских языках. М., 1961.
- Калнынь 1962 — *Калнынь Л. Э.* Корреляция твердых и мягких согласных фонем в украинском языке // Ученые записки Института славяноведения. М., 1962. Т. XXIII.
- Калнынь 1973 — *Калнынь Л. Э.* Опыт моделирования системы украинского диалектного языка. Фонологическая система. М., 1973.
- Калнынь 1976 — *Калнынь Л. Э.* [Рец. на:] *Кибрик А. Е.* Методика полевых исследований (к постановке проблемы). М., 1972 // ОЛА. Материалы и исследования. М., 1976. С. 258–269.
- Калнынь 1985 — *Калнынь Л. Э., Масленникова Л. И.* Опыт изучения слога в славянских диалектах. М., 1985.
- Калнынь 1990 — *Калнынь Л. Э.* Важный вклад в изучение славянской диалектологии [Рец. на: Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. I. Фонетика. М., 1986] // *Russian Linguistics*. 1990. Vol. 14, No. 1.
- Калнынь 1991 — *Калнынь Л. Э.* Русские диалекты в современной языковой ситуации и перспективы русской диалектологии // *Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики*. М., 1991.
- Калнынь 2001 — *Калнынь Л. Э.* Фонетическая программа слова как пространство фонетических изменений в славянских диалектах. М., 2001.
- Калнынь 2002 — *Калнынь Л. Э.* Значение трудов Р. И. Аванесова для теории диалектологии // *Аванесовский сборник*. М., 2002.
- Калнынь 2004 — *Калнынь Л. Э.* О третьем томе «Атласа украинского языка» // *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования*. 2001–2002. М., 2004.
- Калнынь 2007 — *Калнынь Л. Э., Попова Т. В.* Фонетика двух болгарских говоров, функционирующих в условиях разной языковой ситуации. М., 2007.
- Калнынь 2009 — *Калнынь Л. Э.* О психологическом факторе в изучении диалектной фонетики // *Исследования по славянской диалектологии*. [Вып.] 14. Фонологический аспект изучения славянских диалектов. М., 2009.

- Калнынь 2015 — *Калнынь Л. Э.* О перспективах изучения территориальных диалектов в меняющейся языковой ситуации // Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 17. Судьба славянских диалектов и перспективы славянской диалектологии в XXI веке. М., 2015.
- Кочев 1968 — *Кочев И.* О балканском характере мягких согласных в позиции конца слова в болгарском языке // Actes du Premier congres international des etudes balkaniques et sud-est Europeennes. VI. Linguistique. Sofia, 1968.
- МДА — Македонски диалектен атлас. Пролегомена. Скопје, 2008.
- ОЛА 1988а — Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 1. Рефлексы *ё. Белград, 1988.
- ОЛА 1988б — Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 1. Животный мир. М., 1988.
- ОЛА 2006 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 4а. Рефлексы *ъ, *ь. Загреб, 2006.
- ОЛА 2008 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 5. Рефлексы *о. М., 2008.
- Падлужны 2015 — *Падлужны А. І.* Фонологический статус долгих согласных в белорусском языке // Падлужны А. І. Выбраныя працы. Мн., 2015.
- Список — Список печатных трудов Людмилы Эдуардовны Калнынь // Наст. изд.
- Чекмонас 1992 — *Чекмонас В.* Диалектологический атлас русского языка: теоретические основания; синхронно-структурный аспект (заметки и размышления) // Русистика сегодня. Функционирование языка: лексика и грамматика. М., 1992.
- Чэцман 1970 — *Чэцман В. М.* Гісторыя праціўпастаўленьняў по цвёрдаці-мяккаці ў беларускай мове. Мн., 1970.
- SSA — Sorbischer Sprachatlas. Bautzen, 1967–1982. B. 1–11.
- Wexler 1977 — *Wexler P.* A historical phonology of the Belorussian language. Heidelberg, 1977.

Summary

Pavlo Yu. Hrytsenko

L. E. Kalnyn': foundations of her scholarship's hypertext

The works of renowned Slavicist Ludmila Kalnyn' constitute an integral *hypertext*, exhibiting the movement of ideas, goals, and methods of studying Slavonic dialects in the second half of the 20th c. and the early 21st c. These works feature innovative methodologies and techniques of dialect research, such as her precise technique of modelling individual subdialects (i.e. actual communicative dialect systems) and dialect language (i.e. a construct comprising individual subdialects); this promising method has proved to be effective and has been adopted by other dialect researchers. Furthermore, she formulated a range of problems solution of which was aimed to the

structure and functioning of dialects, their status in the national language stratigraphy, and areal characteristics of items and phenomena found in dialects.

The scope of dialect modelling includes subdialect phonological systems, syllable-internal structure and syllabification, and word as both the field and the factor of phonetic changes. Her modelling technique involves the sequential use of sets of distinctive features of the objects under study, also taking into account the regularity of manifestation of features in dialect speech and conditions of their neutralization. Empirical databases were created regarding Slavonic (viz. Russian, Ukrainian, Polish, Bulgarian and Sorbian) dialects, including their systemic descriptions. Special attention was given to the status of modern dialects against the background of other strata of the national language, and to their role in forming and present-day development of literary language.

In her research, Kalnyn' has demonstrated:

- the advantage of the exhaustive systemic description of a dialect based on the system of distinctive features over descriptions of random subdialectal features against the background of standard language, the importance of uncontradictory explication of preconditions and chronotope of the origin of structural and functional specificity of modern Slavonic dialects;

- the importance of joint approach combining synchronic systemic description with the elucidation of the history of every structural element and phenomenon, establishing their spread within national and general Slavonic continuum as a means of achieving the completeness of dialectal knowledge;

- the heuristic value of identification and detailed analysis not only of entities and phenomena widely spread within a dialectal continuum, but also of locally limited ones of the ancient origin or, on the contrary, resulting from recent innovations;

- the necessity for comprehensive dialectal studies of consistently considering social, historical, and cultural circumstances of a subdialect's functioning within society.

Many years of her active participation in the work on The General Slavonic Linguistic Atlas (including the identification and development of its theoretical foundations, production of numerous phonetic maps, especially interpretative and generalizing ones), analysis of phonetic Slavonic areas determined the dynamics of her views on many phenomena of Slavonic phonetics. At the same time, working in the international collective, and organizing international conferences dedicated to problems of Slavonic dialectology, led to the dissemination of L. E. Kalnyn's ideas, theoretical generalizations, and practical experience. The trajectory of this experience's emergence is insolubly linked with the conceptual development of present-day Slavonic dialectology.

Keywords: L. E. Kalnyn, Slavic dialectology, phonetics, phonology, history of science, language modeling, The Slavic Linguistic Atlas.